

В. Д. СМИРНОВА-БУБРИХ

ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ ПЕРВОГО СЛОГА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В древней прибалтийско-финской речи существовало два ряда гласных первого слога: краткие *a, o, u, a, ö, y, e* (двух разных качеств, в карельском языке совпавших), *i* (тоже двух разных качеств, совпавших еще в древней прибалтийско-финской речи приблизительно около нашей эры) и соответствующие долгие гласные (см. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка, стр. 20—23).

В карельском языке древний прибалтийско-финский вокализм испытал довольно важные сдвиги. Долгие гласные один за другим преобразовывались в сложные гласные, где начало звучало по-одному, а конец по-другому. Вместе с тем краткие гласные, раньше противостоявшие долгим, начинали играть роль простых гласных, противостоящих сложным. Различие кратких и долгих гласных постепенно заменялось различием простых и сложных гласных, а это было очень существенным обновлением фонологической системы. Различие кратких и долгих гласных было различием количественным. Различие же простых и сложных гласных оказывалось (в основном, существенном) различием качественным.

Фонетический процесс, который создавал замену одного различия другим, представляется мне следующим образом. Задние долгие гласные развивают все более низкий «собственный тон», связанный с появлением и усилением лабиализации (огубления). В то же время передние долгие гласные усваивают все более высокий «собственный тон», связанный с поднятием языка в средней его части. Этим подчеркивается противоположность задних и передних долгих гласных, что очень важно в языке, одним из фонетических устоев которого является противоположность слов заднего и переднего вокализма (гармония гласных и т. д.). Лабиализация и подъем языка в средней его части захватывают долгие гласные не в целом, а только в одном участке. Вследствие этого долгие гласные начинают звучать в начале и конце по-разному. Они становятся сложными гласными. Что касается кратких гласных, то они не разделяют указанного развития долгих гласных. Они оказываются простыми гласными.

Не все говоры карельского языка пережили указанный фонетический процесс в полной мере. Всех этапов этого процесса три.

Все, без исключения, карельские говоры пережили преобразование долгих **oo, öö, ee** в сложные **uo, yö, ie** (например, преобразование **soo** в **suo** — болото, **vöö** в **vyö** — пояс, **tee** в **tie** — дорога; последнее слово сохраняется в остатках). Это преобразование — самое древнее из тех, которые я сейчас обсуждаю. Будучи самым древним, оно успело охватить весь состав говоров.

Большинство карельских говоров пережило еще преобразование долгих **aa, ää** в сложные **oa, eä** или **ua, iä** или (к востоку от гор.Олонца, а также в людиковских говорах сел. Намоева и Гомсельги) в **uo, ie**. Примерами может служить преобразование **maa** — земля, **pää** — конец, голова в **moa, peä** или **mua, piä** или **muo, pie**. Это преобразование (как видно, зашедшее более или менее далеко) относительно новое. Будучи относительно новым, оно всего состава говоров захватить не успело. Кое-где его нет.

Имеется часть карельских говоров, пережившая преобразование долгих **uu, yu, ii** в сложные гласные, где конечная часть является особенно узкой. Отсюда получились **uU, yY** (или **yU**), **iI**.¹ Примерами может служить преобразование **suu** — рот, **pyu** — рябчик, **pii** — зубец в **suU, pyY** (**pyU**), **piI**. Тут **U, Y (U)** и **I** играют роль комбинаторных вариантов **v** и **j**, выступающих в случае, когда дальше нет гласного. Это преобразование представляется совсем новым. Оно захватило небольшую часть говоров, особенно в южной части Олонецкого района. Сведения об этом преобразовании недостаточно точны, так как не все заполнители «Программы по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка» хорошо различали **uu, yu, ii** и **uU, yY (yU), iy**.

Особенное внимание обращают на себя преобразования **aa, ää**. Эти преобразования наблюдаются не везде. Там, где они наблюдаются, они очень пестры.

aa, ää сохраняются без изменения в полосе, простирающейся вверх по р. Видлице, от ее устья до истока из оз. Ведлозера, и дальше в глубь Тулмозерского угла Ведлозерского района, но не достигают северных селений этого угла. В этой полосе звучат **maa** — земля, **pää** — конец, голова и т. п.

В северной половине Тулмозерского угла Ведлозерского района (с Сари-гора, Соона и др.) наблюдаются **a°a,**² **eä**, склонные к превращению **a°a°**, **ee**. Это уже начало сдвига.

Сдвиг вполне развернулся в остальных ливвиковских и людиковских говорах. Во многих из них мы наблюдаем **oa, eä**, а во многих и **ua, iä**. В основном **oa, eä** характерны для ливвиковских говоров, а **ua, iä** для людиковских. Однако **oa, eä** входят в область людиковских говоров, проникают до с. Виданы (до которого проникают и некоторые другие ливвиковские явления). С другой стороны, **ua, iä** входят в южные ливвиковские говоры (по р. Олонке) и в места значительно западнее с. Пряжи. В части говоров, где создались **ua, iä**, последние получили дальнейшее развитие в **uo, ie**. Это наблюдается в людиковских говорах сел. Намоева и Гомсельги, а также в ливвиковских говорах восточнее гор. Олонца.

¹ Знаками **U, Y, I** мы обозначаем неслоговые гласные, соответствующие слоговым **u, y, i** (см. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка).

² Знаком **a°** мы обозначаем огубленное **a**.

Так обстоит в южной Карелии, где распространены ливвиковское и людиковское наречия.

Интересно, что **oa, eä** и **ua, eä** (откуда и **uo, ie**) так широко распространены по территории, где основа речи — древняя весская. В вепсском языке, который продолжает древнюю весскую речь в более чистом виде, сложные гласные не возникли. Там долгие гласные вступили на путь сокращения.

Переходя к средней и северной Карелии, где распространены собственно-карельские говоры, надо отметить, что эта территория Карелии в общем очень напоминает южную Карелию.

Повидимому, сдвиг только намечился в области оз. Ондозера. Сведения из этих мест недостаточны, однако они сводятся в конце концов к тому, что в этих местах существуют **aa, eä**, склоняющееся к **iä**.

Дальше дело зашло в горах к западу и северу от оз. Сегозеро. Здесь существуют **oo, ee**, например, **moо, pee**, что вполне достоверно. Можно думать, что некогда там были **oa, eä**, но последние склонились к **oo, ee** (вторая их часть последовала за первой).

Южнее встречаются **oa, eä**. Тут получается стык с находящимися еще южнее ливвиковскими говорами, где наблюдаются тоже **oa, eä**. Впрочем, по восточному краю заселенной карелами территории, в с. Юстозеро Петровского района, в Медвежьегорском районе и на крайнем востоке Сегозерского района находится как бы продолжение людиковских **ua, iä**.

В местах, находящихся севернее всех упомянутых, встречаются **ua, iä**. Сто и даже пятьдесят лет назад здесь во многих пунктах отмечено **oa, eä**. Эти **oa, eä**, как известно, «узаконены» в Калевале, которая в значительной мере отражает речь северной Карелии. В настоящее время **oa, eä** там, однако, уже не слышно, исключая некоторые пункты Ребольского района. Таким образом, оказываются два «очага» **ua, iä**: людиковский и северно-карельский. Эти «очаги» **ua, iä** сложились, конечно, независимо один от другого.

Кажется, данные, содержащиеся в обрисованной картине развития **aa, ää** в различных карельских говорах, допускают некоторую историческую интерпретацию. Конечно, картина эта менее ярка, чем, например, картина употребления свистящих и шипящих щелевых согласных (**s, z** и **ш, ж**), которую Д. В. Бубрих разъяснил в статье «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах» (Советское финноугроведение, I, 1948), а еще раньше в одноименном докладе на I Всесоюзной научной конференции по вопросам финноугорской филологии. Следовательно, историческая интерпретация обрисованной картины даст у меня относительно бедные результаты, и мне придется приступить к ней со всеми подобающими в таких случаях оговорками.

Мне представляется, что некогда на Олонецкий перешеек, заселенный тогда выходцами из Веси (население Олонецкого перешейка до сих пор именуется населением более северных мест **Vepsä**), стали проникать выходцы из Корелы, принесшие с собою **oa, eä**. Эти **oa, eä** распространились по всему Олонецкому перешейку. В более отдаленных местах они получили своеобразную переработку. Известно, что когда люди воспринимают из другой речи какое-либо явление без должного умения, они нередко, так сказать, преувеличивают это явление. Это и случилось в местах, отдаленных от близкого общения с Корелой: противостояние компонентов **oa, eä** в этих местах было преувеличено и получилось **ua, iä** и т. д. Непонятным на первый взгляд представляется то обстоятель-

ство, что говоры по р. Видлице и в части Тулмозерского угла Ведлозерского района сохранили древние **aa**, **āā**. Это тем непонятнее, что р. Видлица протекает как раз на территории, где древняя Велья вплотную соприкасалась с древней Корелой. Объяснить это непонятное на первый взгляд обстоятельство можно. Надо принять в расчет, что в относительно позднее время в бассейне Ладожского озера были передвижки населения. С некоторых пор (предположительно, с начала XVIII в.) часть населения Олонецкого района распространилась на малозаселенные земли, взятые у Швеции, в направлении к Сортавала (не достигая ее) — в Салми, Питкяранта, Импилахти и т. д. Повидимому, более всего переселенцев перешло сюда из-под Олонца, так как здесь оказались горы типа, близкого к тому, который распространен у Олонца. Передвижение части населения на новые места освободило старые места, и это вызвало вторичные передвижения. И вот, можно предположить, что по р. Видлице в это время спустились те, кто раньше жил в глубине страны в районе Ведлозеро — Тулмозеро, и они донесли неизменные **aa**, **āā** из своего прежнего «медвежьего угла» до самого побережья Ладожского озера. Если так, то сохранение **aa**, **āā** без изменения надо связывать с углом в районе Ведлозеро — Тулмозеро, в стороне от Ладожского озера, в стороне от путей прямого влияния Корелы. Для этого угла сохранение старины, вепсской старины, вполне понятное дело.

Мне представляется, кроме того, что вместе с первой и второй волнами Корелы (см. Д. В. Б у б р и х. Свистящие и шипящие в карельских диалектах) в места севернее Олонецкого перешейка проникли **oa**, **eā**, **aa**, **eā**, представлявшие ранний результат переработки **aa**, **āā**. Они наблюдаются именно на местах распространения этих двух волн Корелы, за исключением течения р. Кеми, где проявилось вообще значительное языковое воздействие третьей волны. Что касается третьей волны Корелы, то она, более поздняя, принесла собой звучания, успевшие продвинуться дальше, в направлении **ua**, **iā**. Вероятно, сто и пятьдесят лет тому назад это были еще не совсем **ua** и **iā**, так что исследователи могли записывать и **oa** и **eā**. Теперь это вполне **ua**, **iā**.

Как видно, я рассматриваю переработку древних **aa**, **āā** как исходящую от Корелы: на юге — в порядке языкового воздействия, а в средней и северной частях Карелии — в порядке ее расселения.

Понятно, что я рассматриваю как исходящую от Корелы и переработку **oo**, **ōō**, **ee** в **uo**, **yō**, **ie**. Эта переработка была более ранней и потому успела получить особенно значительное распространение, захватив все без исключения карельские говоры (южные — благодаря воздействию Корелы).

В переработке древних долгих гласных, особенно в переработке **oo**, **ōō**, **ee** в **uo**, **yō**, **ie**, я вижу одно из ранних языковых проявлений связывания различных частей населения современной Карелии в один карельский народ.